

Не жалея живота своего

Владимир ДЕНИСОВ.

История эта невыдуманная. Произошла она с Иваном Дмитриевичем Сырцевым, инвалидом Великой Отечественной войны, жителем поселка Тюлюк Катав-Ивановского района...

Путь мой лежал через поселок, и я заехал к старому приятелю, с которым давно не виделся. Принят был, как всегда, радушно, и дружеская наша беседа затянулась за полночь. И нельзя было не заметить, что одна из собак моего знакомого - западносибирская лайка Кунак - свободно бегает по комнатам просторного деревенского дома и даже чувствует себя в них хозяйкой, хотя собак своих хозяин держал в строгости и в дом не пускал. Спросил хозяина. Иван Дмитриевич смутился, переглянулся с женой, та кивнула. Так я был посвящен в эту историю.

В осеннюю октябрьскую пору решил Дмитрич посмотреть заготовленные летом на дальнем покосе стожки сена: поправить, чтобы не замekli, да и на дорогу взглянуть - скоро вывозить.

На прогулку увязались две собаки Кунак и Рыжий, огромный пес рыжей масти, похожий на овчарку. Рыжий - характера злобного, нелюдимый, в общем, сторожевой, а Кунак телосложения для лайки среднего, добряк, лизун, ласкаться готов со всеми, только бы гладили. Что, естественно, хозяину очень не нравилось, но пса терпел - на охоте хорош. Брал с ним и белку, и глухаря, и куницу, да он и ентом при случае не брезговал.

Ружья с собой Сырцев не взял. Не захотел душу травить и охотников дразнить. Охота уже была закрыта, он тогда егерем служил и дурной пример подавать не хотел.

Ходок он отличный, вот уже и ручей прошли, с хребта Бакты бегущий. Лайка несколько раз брала след или запах (хвост бешено вертелся), но хозяин был строг, пса одернул:

- Не пора, пошли, Кунак.

Дошли до покоса, стожки стоят не хуже соседских, ждут своего часа. Осталось взглянуть на последний, что за еловой посадкой. Собаки принялись мышковать, узнав родной покос и поняв - охоты не будет.

А вот и крайний стог, самый маленький, что-то покосившийся. Решил подойти поправить.

То, что случилось дальше, видимо, останется у Ивана Дмитриевича на всю жизнь. Сделал он последний шаг к стогу, а из-за него буквально вывалился огромный черный лохматый злобного вида медведь.

Оторопел человек от неожиданности - хотя был не робкого десятка, в войну в разведке служил. А что делать? Все-то и оружие, что перочинный ножичек, да и тот достать миша не позволит.

Заговорил, как можно, спокойно, а медведь приближался, и понял егерь: будет нападать. Старый, жира в зиму не набрал. Понял и вскрикнул, и медведь одновременно рывкнул. И только тут

боковым зрением увидел человек несущихся к нему псов. Кунака со злобным рыком и Рыжего с визгом. Отвлекся на полсекунды - и медведь бросился на Дмитрича...

Но раньше медведя поспел Рыжий. Прыгнул со страха на грудь хозяина, сбил с ног и бросился с визгом к дому. «Все, конец», - подумал егерь, попытался встать и услышал страшный рык зверя.

Кунак с разгона впился в медвежий зад. Затем отскочил и снова бесстрашно пошел вперед.

Иван Дмитрич поднялся, потихоньку попятился и, как говорится, начал выходить из драки.

Сначала бежал, сколько мог, потом шел. Шутка ли. Почти в лапах побывал.

Дорога до дома показалась короткой, а там переполох, поняла хозяйка: беда. Пес прибежал с визгом, с ходу - в будку, дрожит, скулит, отпевает хозяина на своем языке.

Попил воды. Отдышался. Рассказал все жене, достал из сейфа ружье, патроны, кликнул друзей-охотников.

Выгнали из гаража старенький ЛуАЗ, и на покос.

Уже смеркалось, от реки тянул легкий ветерок.

Тихо. Обошел поляну, осмотрел все стожки. Никого. Еще во что-то веря, позвал: «Кунак, Кунак!».

В ответ тишина. Кричали до хрипоты - тщетно. Пытались найти следы, да где там. Не зима и совсем стемнело.

Домой машину вел сосед. Самому не хватило сил, но все же надеялся, приедет - а пес дома.

Хозяйка встречала у ворот. На немой вопрос мужа покачала головой.

Редко егерь смотрел на дно рюмки, а тут налил стакан. За упокой, по старому обычаю. Хорошую рабочую лайку всегда охотники-промысловики за товарища почитали.

Всю ночь ждал, не ложился спать до утра. А Кунак не пришел.

Прошло два дня. На третьи сутки ночью собаки заскулили. Сразу вскочил. У приворотной доски что-то лежало. Зажег свет. Кунак. Но в каком виде! Из разорванной брюшины вывалилась часть внутренностей, морда вся в крови, губа порвана, голова сверху оскальпирована и шкура висит на тонкой полоске кожи. Внесли пса в дом. Позвали ветеринара. Осмотрел.

- Застрели собаку, не мучай.

И ушел. Да как застрелишь! Решили: друзей не предают. Будем лечить.

Согрели воду, одеколоном продезинфицировали суровые нитки и большую иглу, на стол положили клеенку и уложили на нее лайку.

- Держи, мать, - сказал Иван Дмитриевич и принялся промывать вывалившиеся внутренности, затем, стараясь причинять как можно меньше боли, заправил их в брюшину собаки. И без всякого обезболивания принялся зашивать порванный пах. Пес все понимал. Он тоже боролся за жизнь. И «хирургу» в общем-то не мешал, а когда было совсем уж невозможно, брал руку хозяина в пасть. Нет, не кусал, даже не сдавливал. Держал, как бы говоря: «Подожди, передохну».

Справились с брюшиной, перешли к голове. В общем, залатали.

Поправлялся медленно. Заживало плохо. А меж тем пришли морозы. Поняли - во дворе не выживет и оставили в доме.

- Вот живу по его велению, - сказал Сырцев и погладил Кунака...

* * *

Подобные операции не единичны. На охоте на барсука пострадал ягд-терьер Милка охотника А. Арнаутова из Озерска. Осталась без нижней части челюсти. Перекусил барсук. Все советовали: прибить. А хозяин, к медицине не имевший никакого отношения, решил: буду оперировать.

И слесарными инструментами, электродрелью и бритвой сделал, казалось бы, невозможное. Вот оно прелестное создание, добрая, ласковая к людям Милка лижет мне под столом руку, а я незаметно от всех скормливаю ей с общего стола колбасу.

И самое интересное. Эти собаки работают. Так говорят охотники. Хорошо работают. А я думаю, сколько же они ради нас могут вытерпеть.